

II

РАННИЙ ФРИУЛЬСКИЙ МИНУСКУЛ И ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЛАНГОВАРДСКОГО ИСТОРИКА VIII в.

О. А. ДОБИНАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Не скоро еще суждено затихнуть горячим спорам о происхождении того четкого и вместе беглого письма, которое на переломе VIII и IX вв. в разных странах Запада сменило собою безбрежную пестроту предшествовавших писем. В некоторых направлениях эти споры только разгораются. Немудрено. Со слишком сложным материалом имеет здесь дело теория. В книге *Notae latinae*,¹ где автор на подлинных западных рукописях библиотек всего мира стремится установить статистику главных потоков письма, Линдсе наметил не менее двух тысяч докаролингских их индивидуальностей.

Наука палеографии, с некоторого времени значительно освободившаяся от мифажа (и шаблона) «великих каллиграфических типов», которые некогда исключительно пленяли внимание ученых, и особенно публики, все больше обращается к живому многообразию графического творчества. Самая проблема каролингского минускула ставится совершенно иначе, чем полвека назад. И в горячих дискуссиях, поворачивающих то на лицо, то наизнанку результат долгого развития — каролингский минускул, многие общие положения и тем более десятки и даже сотни частных, устанавливаются твердо. В противоположность «моногогенетическим схемам», выводившим в минувшем веке каролингский минускул из единого очага, над которым будто бы властвовала не только единая культурная и техническая мысль, но чуть ли не единая политическая воля, ныне, в убеждениях палеографов, утверждается идея полигенезиса. Для смутного, переходного периода VII—VIII вв. почти единогласно склоняются признать инициативу многих очагов, где самостоятельно, независимо создавалось письмо, которое фран-

¹ W. M. Lindsay, *Notae latinae*. Cambridge, 1915. Готовится новое издание.

цузы обозначили, как *minuscule précaroline*, англичане — *early minuscule*, немцы — *Uebergangsschrift*, и с недавнего времени, они же, — *Frühminuskel*. Здесь тождество или аналогия культурных стремлений вели к аналогичным результатам в графических формах.

Иными словами, многие центры шли одновременно к минускулу, получившему имя каролингского. Палеографы, в общем, согласны усматривать в большинстве минускулов первого периода регуляризованный курсив. И в этом движении Запада, в конце VIII в., роль Италия, в особенности северной, была значительной и активной.¹

Я хотела бы в настоящем очерке охватить искания (и достижения) одного очага, очень скромного, даже провинциального. Он интересен с трех точек зрения.

1. Очень своеобразно его положение. Дело касается здесь города, области старого Фриуля (ныне Чивидале), географией и историей выдвинутого на место ответственного бастиона: форпоста Италии на северо-восток, в соприкосновении с мирами лангобардским, баварским, аламаниским, славянским, восточно-франкским и аварским («гупским»). Этот очаг был одним из первых центров Италии, который стал лангобардским городом. Он же был последним и собственно единственным, деятельно восставшим в VIII в. против нового северного завоевания, не принимая утверждающейся в Италии каролингской власти.

2. Судьбы его письма тесно связаны с судьбой писаний историка, которого можно назвать самым замечательным историком VIII века на Западе. Уже потому, что на нем одном, как на единственной нити, висит история его племени. Уже потому, что это племя и государственность, при этом историке получившие свое развитие, при нем же имели и свой конец. Если в эпоху особенно яркой жизни племени исторические его судьбы не нашли своего выразителя в историографии, или отзвук их, сам по себе,² не дошел до нас, то затем, после падения лангобардской державы, уже навряд ли мог явиться писатель, который заинтересовался бы окончательной историей. В последнюю

¹ См. обзор проблемы: Ph. Lauer, *La Réforme carolingienne de l'écriture latine et l'école calligraphique de Corbie*. Paris, 1924. — De Boüard, *Les origines de la minuscule, dite caroline*. *Palae. Lat.*, IV. — Автор этих строк, в соч. *Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 880, reflétée dans les Manuscrits de Leningrad*. Leningrad, 1934, pp. 56 sq. цитир. Dobias, Corbie).

² См. ниже, стр. 133, о Секунде Тридентском: только через того же «историка VIII в.» и сохранилась повесть Секунда.

возможную минуту, после спуска занавеса, переживший пьесу историк успел ее записать.

И в этом смысле «случайность» синхронизма, которая свела на одном отрезке времени драму лангобардов вплоть до ее эпилога, и — ярко отражающий впечатление — экран сознания указанного историка, — эту «случайность» следует признать весьма счастливой для исторического исследования эпохи.

Этим историком был сын Варнефрида, лангобард по происхождению, Павел Диакон, латинский клирик по посвящению.

3. Вся эта проблема, наконец, интересна для нас тем, что очень яркий свет, разрешающий убедительно многие загадки, бросает на нее один кодекс конца VIII века, хранящийся в нашей Ленинградской государственной публичной библиотеке (ГПБ).

1. ФРИУЛЬСКИЙ МИПУСКУЛ И КОДЕКС ГПБ

Мы возвращаемся к вопросу о фриульском мипускуле.

Кодекс *β*. До вчерашнего дня, вообще говоря, образцов раннего фриульского мипускула насчитывалось два. Один из них хранится, — очевидно, туда в какой-то период переселившийся, — в библиотеке Ватикана. Другой, — очевидно, исконный, — в городском музее Чивидале (Фриуля), на родине Павла.

До наших поисков в Ленинградской ГПБ это были самые ранние образцы фриульского мипускула.

Остановимся на чивидальском (фриульском) кодексе, который дает нам Павлову *Historia langobardorum*. Назовем этот кодекс — *β*.

Хранившийся с незапамятной древности в библиотеке фриульского собора, он, несомненно, был написан на родине Павла. Бетман, изучавший его в 1851 г. вместе с фриульским каноником Орландесом,¹ датировал его серединой IX в. Так же датировал его Вайц в 1876 г.² и впоследствии, в 1913 г. Баннистер,³ — дата, по-нашему, слишком поздняя: середина IX века не совсем гармонирует с формами букв *c* и *e*, где следы образующего их двойного движения руки пережили в точке, прицепившейся к спине этих букв. В л. 37 кодекса *β*. мы можем констатировать 16 *c* и 26 *e*, а на таблице II — 22 *c* и 20 *e* этого типа.⁴ Липдсе, который называет это явление

¹ Pertz-Archiv VII 275 и X 317.

² NA I 335. — MG Script. rerum long., p. 28, cod. A.

³ Paleografia musicale Vaticana, 1913, p. 82 sq.

⁴ См. эту таблицу рядом и в кодексе *β* лист 37, воспроизвести который нам не удалось.

«a knob projection at the back of the letter»,¹ подметил его в ряде рукописей ante 814, в мастерских Корби (*ab*-тип), Лана (*az*-тип), Луксея («-тип») и Сен-Галлена. В наших таблицах *e* является то с петлей, то открытым, снабженным горизонтальным язычком, к которому прицепляются охотно эвклитические *c*, *f*, *m*, *n*, *s*, *t*, *x*. В общем *e* доминирует над этой следующей буквой.

Оси букв *b*, *d*, *h*, *l* имеют наверху сильное утолщение, заставляющее думать о сплывшемся «кнути» Линдсе («whip» ЕМ § 10).² Любопытна форма *f*, которое чаще всего не является ни скругленным («arched» ЕМ § 33), ни снабженным петлей («loped», *ibid.*). Она откровенно маяткульная.³

Удивляет совершенное отсутствие *I-longa*⁴ и скошенного *i* после *l*. Напротив, характерно-итальянскими являются (ЕМ, § 92) два *r*, одно с сильно вытянутым плечом и другое с переломленным плечом: форма, которую оно принимает в лигатурах *re* и *ri*, причем и самое *i* принимает в этих случаях скошенную форму, — комбинация, которая является очень итальянской.⁵

Чисто курсивными и очень архаическими являются многочисленные лигатуры: *ec*, *ef*, *ei*, *ep*, *er*, *es*, *et*, *ex*, *ri*, *ret*, *te*, *ter*, *tr*, *tri*, *titer* и др.⁶ *st* не является лигатурой в собственном смысле, ибо *t* лишь испытывает влияние *s*: его перемичка воззается в середину оси *s* и, как бы прикрытая его плечом, буква спускается несколько ниже строки.⁷

Если два изученные нами листа передают хорошо общую систему сокращений, то их список, очень краткий (что сходится с предположенной нами датой самого начала IX в.), сводится к *m*, сокращенному в *assus*. *sing.* и *genet. plur.*⁸ (притом далеко не систематически),⁹ а также в *nam*,

¹ W. M. Lindsay, The letters in early latine Minuscule. Palae. lat. I. §§ 15 и 29. Исследование это в дальнейшем мы будем цитировать кратко ЕМ (Early Minuscule).

² См эти формы на табл. I, строки 1, 3, 7, 9, 11, 14, 18, 23 и т. д. В дальнейшем мы не будем повторять слов «строка», «таблица», но цитировать таблицу римской цифрой, а строки — арабскими: I, 13 и т. п.

³ I, 2, 3, 15, 24; л. 37, 11, 12, 15, 19, 24.

⁴ Lowe, Studia palaeographica (Sitzungs-Ber. Bayr. Acad. 1900) S. 115: «cursiv-origin and nativ in Italy».

⁵ I, 1: *smaracdo*, *rauenne*, *patricio*, etc.

⁶ I, 1, 2, 4, 7, 8, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23; л. 37, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 17, 18, 19.

⁷ *uastator*, *hostibus*, *post*, *christus*, I, 17, 21, 22; *augustus*, *est*, *tempestate*, л. 37, 4, 10, 19.

⁸ I, 2, 2, 3, 4, 4, 6, 7, 11, 22, 22; л. 37, 8, 9, 10, 11, 18, 13, 15, 17, 19, 22, 22.

⁹ *antim*, л. 37, 1; *incolumet*, л. 37, 3. То же 15, 17, 20 и I, 6, 8, 24.

1. inatudo patreio quatinus tunc ne pre & ac uis
 2. manum tunc tuu patreiofecto. XVIII;
 3. **H**uius tunc doctulpe de quo piteminus. ammu
 4. culoripit tuncmactum multar. aduicium lan
 5. gobardor dimigant. Ex tuncq; clare langobar
 6. dor quiclarum urbe tenetant hoc aduicium pe
 7. pulerunt. Cum tunc & plisset tuncmū. honor
 8. bile sepulchrum ante lumina beati uitalis mar
 9. tyris et buntur. Taliter lauder epitaphio &
 10. tulerunt
 11. **C**laudetur hoc tumulo tantum sed corpore doc
 12. **E**t non uāmeris toto uis inurbissur
 13. **C**umbardis fuit ipse quidem nō gentes uanis om
 14. nib; & populi inder uauit erat **T**erribilis uis
 15. facies sed mentes benignus Longa q; robur co pec
 16. core barba puit **H**ic clamans semp romana ac
 17. publica signa uastator genti adpuit ipse tunc
 18. **C**onceptit caros dum nos amat ille parat. hanc
 19. patriā reputans tunc tunc tunc suam. **H**uius
 20. prima fuit brexilli gloria capti. quoresidens cūo
 21. tis hostib; horror erat **Q**uoromana potens
 22. ualuit post signa iubare uexillū pūmū chrysaur
 23. habere dedit **I**nde etiam tunc dum classe
 24. fraudem paro **V**aldus uindicta uel classem clari
 25. bus arma parat **P**uppib; tunc quis decerant
 26. ante badynobar **D**ore innumeras uict & ipse
 27. manus **R**ursum tunc tunc auarum superant

dum, *iam*¹ к *bus* = *b*.², *que* = *q*.³ *per* = *p*.⁴ Однако, ни *pro*, ни *prae* не сокращаются систематически; *rum* сокращается на *R* капитальном.⁵

Сомнительным представляется символ *ur* в *diceretur* (л. 37, 24), *appellatur*, etc. По Линдсе, NL pp. 468 и 469, и Ренду,⁶ этот символ для *ur* (они называют его 2-mark) сам по себе должен бы продвинуть вперед дату кодекса.

И, однако же, ненормальная толщина горизонтальной черты в 2 значительно большая чернота чернил внушает Линдсе (l. c.) правдоподобную гипотезу о том, что эта черта прибавлена впоследствии корректором IX в.; оригинальным же символом было 9 в согласии с более ранней датой кодекса.

В итоге: дата самого начала IX в. (или даже самого конца VIII в.) нам представляется более вероятной для фриульской рукописи *Historiae Langobardorum* Павла Диакона, и ее графические и иные особенности — характерными для фриульского минускула этой эпохи. И в таком случае следует предположить, что *Historia Langobardorum*, написанная Павлом несомненно под конец жизни (post 787, в Монте-Кассино), относительно рано была списана затем фриульским писцом. И это говорит о быстром возрождении культурной жизни, разбитой бурями 70-х гг. VIII в.

Кодекс γ . Так же убедительно связывается с Фриулом другой кодекс, который я обозначаю через γ (гамма). Ныне находящийся в Ватикане, под шифром Reg. Lat 1462, он многим обязывает свое фриульское происхождение. Латинские тексты Фульгенция (*Mythologiarum libri*, *Expositio sermonum antiquarum*, *Expositio Vergilianae continentiae*) смежны здесь с *Notae juris* той же эпохи, а начная с листа 50', здесь читаем, вписанный уже рукой X в., текст «альбы», утренней песни, коей припев, очень много дискутировавшейся в среде филологов, признан был образцом фриульского наречия, так наз. *ladina*.⁷

Нам был доступен, кроме снимка Баннистера (№ 256), еще другой, любезно доставленный нам W. M. Lindsay, с листа 13². Когда мы сравним

¹ I, 134.

² I, 14, 21, 25; л. 37, 9, 17.

³ I, 15; л. 37, 1, 2, 13, 15, 15, 17, 19, 24, 25. См. стр. 112, пр. 3.

⁴ I, 16; л. 37, 1, 13, 20.

⁵ I, 26; л. 37, 14, 17, 18, 19, 25.

⁶ E. K. Rand, «Speculum» II (1927), 52—66.

⁷ См. описание кодекса γ у Schmidt, Zeitschrift für deutsche Philologie, XII (1880) 333 сл. и у Bannister, O. c., 83. № 256. Текст альбы изучен у Schmidt, 385; вышеуказанную дискуссию см.: Pio Rajna, Studi de philologia romanza II, 67—89. — P. Meyer (Romania XVI, 606 sqq.). — E. Monaci (Rendiconti della Accademia dei Lincei. Cl. di scienze morali I, fasc. 7 e 12, 1894.

это письмо с письмом β , то прежде всего бросаются в глаза отличия, потом, однако, аналогии, притом аналогии основные. Банистер принимает для γ «ту же дату», что и для β , т. е. середину IX в. Мы предполагали бы правильным, опять-таки, значительно ее снизить в виду сильно сказывающихся в письме курсивных элементов, в чисто итальянском вкусе, каково двухкольцовое a ,¹ o , с усиками, в лигатуре ro ² сильно выраженный «кнут» или горизонтальная черточка у осей b , d , h , l ,³ длинное плечо r в свободном положении⁴ и «сломанное» — в лигатурах ra , re , ri , ro ,⁵ живописные лигатуры es , ei , em , en , er , es , et , ex ,⁶ T ⁷ с унциальным N , или nt , ct , описанными Линдсе (ЕМ §.112) как «отросток» (hyphen).⁸ Все это черты, которые сближают γ с β . Отличает же его одна черта, которая является очень итальянской, но в β ее, странным образом, нет; это — присущность γ *1-longa*, которому рукопись γ верна.⁹ В группе ri , i является скошенным.

Список сокращений — тот же, что и для β , символом является Z , характерное, с одной стороны, для северофранцузских скрипториев, с другой — для Италии.

Кроме очень редкого ($\cdot\cdot$), пунктуация сводится к одной только точке.

Но если в основных формах и приемах письмо γ представляет аналогии письму β , то в нем есть неуловимый налет какой-то дополнительной претенциозности и нарядности, и, может быть, по соответствию общим тенденциям эпохи, мы имели бы право обозначать это письмо, как пример послекаролингской реакции: украшающий варварский тип, аналогичный северному *embellished-merovingian style*.¹⁰ Аналогии такой «стилизации», таких украшенных возвратов можно было бы указать в ряде скрипториев французского севера. В них сказался известный закон эпохи.¹¹

¹ Назовем табл. II ту, которую мы прилагаем здесь, и табл. IIa ту, которую под № 256 дает в назв. сочинении Банистер. Мы находим 78 кольцевых a в табл. II и 7 в табл. IIa.

² *vero* IIa, 9 и *pro* II 3.

³ II, *passim*, IIa, *passim*.

⁴ *Ibid.*

⁵ II, 1, 2, 3, 4, 6: *laborata, crimene, proferat, potiora, vero, contribuit, nostra*.

⁶ II, 1, 2, 3, 4: *laudet, constructa, nostrum, extollunt, crimene, pacto*.

⁷ II, 2, 4, 10, 17.

⁸ II, 5.

⁹ II, 6, 8, 13, 14, 15, 16, 18, 19: *ita, ingenii, in, impiorum, in in id, igitur, inquisitionem, insania, instituta*.

¹⁰ Этап этот в истории писем французского севера наблюден и установлен Е. К. Ранд'ом в его «A Survey of the manuscripts of Tours.» *Med. Acad. of America. Cambr. Mass.* 1929, vol. 1. Text., p. 45. Автор собственно не употребляет слов «послекаролингская реакция». Но ее смысл ясен из его § IV, *Embellished Merovingian Style*.

¹¹ Аналогию подобного возврата, для Корби — в соответствующем случае, — к меровингским формам мы видим в адалардовом *ab*-типе. Ср. *Dobias, Corbie*.

1 laudat constructior aut destruat laetor et at; sed quam nulla tibiur hęc nostru
2 mē exollunt dūcymib; officiunt. Illo uidelicet pacto quod si cel hūc laet
3 sapit. dū pīd pīat quipotiorē concēsit. Sūuers cel hūc minur aliquid des
4 sumprofert quistat contēbuit. Ergo ē hęc non nostras sūt seclētur donu
5 ampliorē ubiunē non hominis sed diuinū est largimētu. Sicut bñ labor
6 est silete quod nouētem facit crimb; est nactūte quod sñ se pēan. Ergo
7 plius sapit laudat mē tōn purissimā quāz quod hābuit nīnegant. S
8 ante nāciepā hāctat cōmā nostrī studiū ubitū ē ē cēt. pālestīte ingō

I FABULA DE IUDICIO PARIDIS

Philosophi tripe-tatū hūmānātāt uolūtū dūcāt. Ex quib; primā
theoreticā secundā prācticā tē-tū pīlāncicā uo
quāt nōt lātūgē cōtēplātūcā. altūcā uolūtūcā nūcū pō
itētiā pīphētā at. Vēctur ur quī nō hābit in cōsilio impīū
ē in uīc pēccātōrū nō sēdēt ē in cāthēdītē pēdātūcē nō sēdēt
Idēt nō hābit nō sēdēt nō sēdēt. Prima igitur cōtēplātūcā
ad sūpībītācē ē cōdūctāt in quistācōn pīnē. Quā apūt nōt ē
sacēt dōtāt ac mōnācchī apūt illōr philosophī gērtōrūt. Quib; nullā lū
dīat; sūllā fūrorē insānīa. Nullū libōrē tōxicū. Nullū uāpōrē
sēctūcē nūmīdā gēndē uārtāt. Cōtēplāndē qūstīcē cūcāt mōcāt
ōrnat pācīt spī. Sēmclā altūcē ē quāz tōtūmūte cōmōdī sāt

Но, в самом деле, в изучении раннего фриульского минускула, так ли коротки наши перспективы? И, мелькнувшая нам в кодексе β , связь фриульского минускула с Павлом, сыном Варнефрида, ограничивается ли в какой-то определенный момент копией его *Historia Langobardorum*?

Я полагаю, что имею основание раздвинуть эти перспективы и углубить эти связи.

Кодекс α . Я решаюсь определенно утверждать, что образцы фриульского минускула, которые сохранились в кодексах β и γ , слишком поздние. Да и можно ли думать, чтобы к концу 1-й четверти IX в., к которой мы их отнесли, нельзя было ждать проникновения настоящей северной *gallina* в очаг, уже с 776 г. покорный каролингской власти?

При случайных своих встречах с письмами, в которых написаны тексты Фульгенция и «История» Павла Диакона, автор всегда полагал, что наука имеет шансы встретиться с более ранними, более подлинными подходами к минускулу, с совершенно спонтанными попытками регуляризации италийского курсива, что такие спонтанные попытки должны были иметь место во Фриуле, северо-восточном крайнем очаге Италии.

Эта гипотеза оправдалась несколько неожиданно для автора настоящих очерков. Он бродил около клада и просмотрел его не однажды. Два случайные повода открыли ему глаза: составление каталога рукописей ГПБ VIII в. и, случайно с этой работой совпавший, запрос из Фриуля, в юбилейный (1929) год: не имеет ли наша библиотека чего-либо, связанного с Павлом, сыном Варнефрида?

В конце концов, догадки, которые шли по двум путям: по линии историко-литературной и по линии палеографической, сошлись в одном месте. Они развернули картину действительно первых шагов фриульского минускула и выяснили, думается убедительно, немаловажный этап в жизни и творчестве лангобардского историка, этап, объясняющий самые живые черты в его «Истории» и бросающий свет на стимулы ее написания.

Три года назад, в связи с 1200-летним юбилеем рождения Павла, сына Варнефрида, я сделала исследование, сущность которого¹ резюмирую, дополняя его новыми соображениями.

В Ленинградской ГПБ есть кодекс lat. F. v. I № 7, неоднократно привлекавший внимание исследователей еще в бытность свою в Saint-

¹ Оно было опубликовано в юбилейном сборнике издания *Memorie Storiche Forogialliesi*, № XXV. Известное значение сделанных наблюдений вызвало пожелание некоторых палеографов, чтобы оно или его изложение получило место в органе более значительном, чем настоящее издание. Автор отвечает на это пожелание, резюмируя сущность его в издании Института книги, документа, письма Акад. Наук СССР.

Germain-des-Près. Относимый обычно к концу VIII — началу IX в., он содержит в минускуле, близком к каролингскому, но не утратившем еще тесной связи с курсивом (к нему всецело относится то, что в начале очерка мы говорили о подъеме на поверхность содержащих темных глубин бунтующегося графического моря переходной эпохи), 55 посланий папы Григория Великого, по ряду вопросов, более всего касающихся хозяйственного управления.

Кодекс предваряется письмом,¹ которое пишет некто *Paulus supplex, viro dei Adalhardo*. Вспоминая о времени общения *quando illis in partibus fui*, жалуясь на болезнь и усталость, он, со ссылкой на какого-то *clericulus qui haec eadem scripsit*, сообщает о задержке (из-за своей болезни, а также из-за бедности писцами: *utpote pauper et cui desunt librarii*) и о, ныне осуществленном, исполнении обещания дать копию писем упомянутого папы. Он предупреждает и о недочетах копии, которые он собственноручно «исправил в 34 письмах», но просит самого Адаларда произвести в дальнейшем эти исправления по лучшему кодексу, во всех тех местах, где он, Павел, этого сделать не смог, и где «на полях» (в кодексе стоит странное *ad augem*, вместо *ad ogam*) он поставил Z. Послание завершается стихами, где автор обещает никогда не забывать своего адресата (воспроизводим их в орфографии подлинника):

Ante suos refluos rhenus repedabit ad ortus
ante petet fontem clara mosella suum
Quam tuus e nostro. carum ac memorabile semper
dulce adalard, nomen pectore cedat amor
Tu quoque si felix vigeas de munere christi
esto memor pauli tempus in omne tui.

После этого вводного письма следует 55 посланий папы Григория I.

Кодекс, пришедший к нам (через коллекцию Дубровского) из Сен-Жерменской библиотеки, попал в нее, несомненно, в 1638 г. из Корби, что подтверждается последовательностью записей на кодексе.²

В отношении вводного письма: у Мабильона не было сомнений относительно личности корреспондентов. *Vir dei Adalardus* — славный Адалард,³ двоюродный брат Карла Великого, опора большей половины его царствования, трижды — «брат» обители Корби, трижды — скиталец, вдали от

¹ См. факсимиле этого знаменитого письма, табл. III.

² Надпись XVII в. на первом листе кодекса: *Ex libris Corbeiensis monasterii* и записи в каталогах XI и XII вв. См. об этом в нашей работе: Dobias, Corbie, pp. 34 et 152.

³ Ibid., 62 et 77.

10072 1/2 5 - 2000 ft 2

[illegible]

2-7-6

F.^h Gemari a Prato

16.858.

La Museo. *Ediz. Incompleta*

Supra scripta epistola, cum vestibus supplicibus, typis mandata
est in torio prius, et in 1111 - sanctissimum Ord.

S. Benedict. pag. 397.^a

S. Benedict. pag. 397.^a

двора. В два периода своей жизни был он аббатом Корби и, однажды, долгим гостем южноитальянской обители, Монте Кассино.

Paulus supplex для Мабильона¹ был тот знаменитый лангобардский писатель, поэт, автор ряда трактатов, первый (и последний) историк лангобардов, сам сын лангобарда Варнефрида, который, в какую-то эпоху своей карьеры, получил сан «дпакона».

И он, большую часть жизни бывший монахом в Монте-Кассино, вероятно встретился там с Адалардом; в 782 г. (после подавления в 776 г. Карлом Великим восстания Фриуля) увезен был (так же как ранее последний король лангобардов, Дезндерий)² в почетный плен на север, провел в гостях у Карла ряд лет, совершенно очевидно, вновь встретился с Адалардом, в бассейне Мозеллы и Рейна, в королевских виллах Австразии и, по убеждению Мабильона, был именно тем, кто где-то (где?) выполнил поручение Адаларда о копии писем Григория I. Письмо того, кто назвал себя Paulus supplex, есть автограф сына Варнефрида, единственный притом, какой мы вообще имеем.

После такого решения вопроса Мабильоном вокруг него, уже после того, как загадочный кодекс вышел из Сен-Жермен-де-Пре, стал нарастать туман неясности, сомнения и дискуссии. В письме замечены были странности. Кое-где, не совсем согласующаяся с личностью Павла, безграмотность: выше отмеченное *ad autem* (ведь речь идет о поле, а не об ухе!), неосведомленность редактора посланий о числе им же исправленных писем: пишуций, извиняясь, что не мог эмендировать все (55), отмечает корректуру 34, тогда как исправлено 35, и т. п.

В 1851 г. Бетман³ не без колебаний («wenn») принимал тезис Мабильона, полагая, что к Менцу или Тионвиллю следует приурочить данную копию григорьевых посланий. Для него, однако, упоминание о *clericulus qui haec eadem scripsit* в связи, конечно, с отмеченными безграмотностями давало основание думать, что письмо не было автографом, но что оно было продиктовано большим Павлом.

Вайц в 1876 г. (NA I) принимал оба тезиса: тождество Paulus supplex с сыном Варнефрида и несобственноличный характер письма.

Наоборот, Эвальд (NA III) в 1878 г. и L. M. Hartmann (предисловие к *Epistolae papae Gregorii I MG*) в 1899 г. готовы были бы признать

¹ AA SS O. S. B. I 397 — Annales O. S. B. II 184. — De Re Diplomatica 376—77. — Ср. наш этюд в *Memorie Storiche Forogiuliesi*, XXV, 181.

² Ковчиги жизни в Корби. См. S. Abel, *Untergang des Langobardenreichs in Italien*. Gott., 1868.

³ Bethmann, *Paulus Diaconus Leben und Schriften*. Pertz Archiv, X.

автограф, ибо упоминание *clericulus* могло вполне относиться к писцу самого кодекса, но не вводного письма. Но содержание писем, не совпадающее с тем, что, зная их, должен бы был подчеркнуть в своей *Vita Gregorii* Павел,¹ по мнению этих ученых, доказывает, что не наш, но какой-нибудь другой Павел был автором письма.

Dümmler² в 1895 г., на основании впечатлений стилистических склоняется признать авторство Павла, не останавливаясь особенно на вопросе автографа.

Спорный памятник — кодекс и письмо — хранятся попрежнему у нас в Ленинграде, в его ГПБ. Автор настоящего очерка имел возможность ими внимательно заняться.

Он пришел к выводу, который теперь, сколько ему известно, признав убедительным,³ а именно:

Затруднения к принятию автографа устраниваются, если обратить внимание на то, что письмо распадается на две половины: первые 12 строк п — все остальное (табл. III).

Собственно, разница двух половин могла бы броситься в глаза с первого взгляда, и очень удивительно, что ее никто не заметил. Но «первому взгляду», конечно, не совсем осторожно бывает доверять. Для первого взгляда иллюзия перемены могла бы иметь место даже в том случае, если бы пишущий, с известного места, переменил перо, чернила, положение руки, внезапно пришел в другое моторное расположение и т. д.

Но у меня были более глубокие основания для признания смены писца. Я повторю их только очень кратко.

1. Начиная с 13 строки писец совершенно иначе, так сказать, принципиально иначе, начинает писать группы *ci*, *ri*, *li*, также группы *ra* и *re* и группу *st*. В первой и второй половине эти лигатуры чертила, явно не одна и та же рука.

2. Не менее убедительно: не одно и то же лицо применяло здесь попытки сокращений. Скриптор первых 12 строк (*x*) сокращает *Nomina sacra* (*di*, *dns*),⁴ но никогда не сокращает *pro*, *prae*. Второй (*y*), наоборот, сокращает систематически эти последние.

¹ Довод имел бы значение только в том случае, если бы было установлено, что *Vita* писана после осуществления Павлом копии писем Григория I, для утверждения чего нет никаких данных.

² MG Epp. Carol. Aevi IV 509, nota 3.

³ См. рецензии, отмеченные в RHE 1938 г., декабрь.

⁴ Рукопись всегда дает горизонтальную черту над сокращенными словами. Типографские соображения заставляют нас, по примеру многих изданий, от нее воздержаться.

3. Далее: те грубые промахи, которые отмечены в письме, как *rupticentur*, *augem*, а также ошибка в подсчете писем относятся все ко второй половине вводного послания. Они и лежат, я полагаю, на ответственности «клерikuла». И так как мне кажется неестественным, чтобы короткое письмо было диктуемо, одному за другим, двум клерикулам, то я и делаю вывод: за писание письма вначале взялся сам Павел. Хотя в первых строках он жалуется на болезнь и усталость, все же собственноручно начал: *viro dei adalhardo paulus supplex*. — Однако, с 13-й строчки он уже диктует писцу, который стал сокращать слова; который сделал и все указанные ошибки и промахи.

Всматриваясь в письмо первых 12 строчек, которые отныне я считаю автографом Павла, я отмечаю, во-первых, большую их красоту, свободную смелость, а во-вторых, совпадение в их дукте со всеми теми местами, где, в кодексе, имеются поправки, не предупрежденные (не предупрежденные!) буквой Z. Ибо автор письма говорит Адаларду: «где я сам не мог исправить, — *zeta quod est signum vitii apposui*. *Tua quoque fraternitas ad emendatiorem relegere studeat codicem*. *Sed et ea loca in quibus minus habetur nihilominus supplere*. *Hoc tamen sanctitati tuae suadeo*».¹

Я здесь пошла дальше и решилась сделать вывод, что поправки, сигнализируемые, как просьбу, обращенную к Адаларду, — последний исполнил, и что здесь мы имеем дело с автографом Адаларда. Соответственно, эти поправки я и внесла за его счет в корбийский альбом.²

Но я хочу сказать еще два слова об идентификации Павла, — мотивы, отчасти изложенные в первом моем исследовании, — по вопросу: мог ли *Paulus supplex* быть другим лицом, не сыном Варнефрида?

Правдоподобно ли, чтобы в довольно ограниченный промежуток времени, который совпадает с аббатством Адаларда, кроме знаменитого Павла Диакона, тонкого писателя, изящного поэта, гостя королевских вилл, друга Адаларда и корреспондента Карла Великого, в эпоху каролингского Ренессанса, где каждая такая звезда светила, можно сказать, полным блеском, хорошо видимая «всем» (всем довольно многочисленным наблюдателям эпохи), обнаружился другой Павел, который, не будучи отмеченным в литературных летописях эпохи:

1) располагался бы эпистолярным стилем с тем же мастерством;³

¹ MSF XXV.

² Dobias, Corbie, II Planches, № 96.

³ См. несомненные его послания и стихи в издании MG Epp. Carol. Aevi IV 509 n. 3 et Poetae Carol. Aevi I 44.

2) блистал бы гексаметрами равной звучности;¹

3) имел бы те же данные вспоминать о величавом, не могущем итти вспять, движении Рейна и Мозеллы: воспоминаше, которое, конечно, было общим для Павла Диакона и Адаларда, со времени совместного их пребывания на севере;

4) для кого обычным припевом его писем были бы болезнь и бедность;²

5) кто считал бы себя вправе сказать двоюродному брату Карла и главе великого аббатства: *dilecte mi... carissime frater... tuae fraternitas dulcedinem... vale, frater amabilis*;³

6) кто, наконец, подписывал бы свои письма так же, как то делал сын Варнефрида: *Paulus supplex*?

В 1930 г. я пришла к выводу против Hartmann'a и Ehwald'a: «Кажется не приходится защищать факт тождества... Наоборот, было бы очень трудно поддерживать гипотезу различия».

Что следует далее из этих фактов?

Перед нами, таким образом, следующие материалы в кодексе, который я назову а:

1) 12 строк, написанных Павлом;

2) 17 строк того же послания, написанных клерикулом;

3) письмо (или письма), какими написан самый кодекс.

К какой графической школе можно отнести весь этот кодекс, в частности то письмо, которым написал свои 17 строк клерикул?

Вообще говоря, где именно писался кодекс? Где? По концепции Вайца, кодекс, заказанный Адалардом, когда — как полагает этот ученый — Павел находился в Галлии, т. е. в годы 782—786, создавался где-нибудь в Меце или в Трипвилле, иначе говоря, осуществлялся австразийским скриптором, а в таком случае его письмо следовало бы определить, как северо-восточный, австразийский, каролингский (или прекаролингский) мпвускул. Так, очевидно, и пришлось бы квалифицировать все эти письма, кроме, разумеется, 12 строк самого Павла, который, ведь, учился-то письму во Фрлуге и совершенствовал его в Павии, куда попал еще молодым ко двору Ратхиса.

¹ См. ниже.

² ... solo ab hac patria debili corpusculo teneor... tota qua solum valeo mente vobiscum, vum... (Epp. Car. Aevi 507 11, 15 et 24... exiguitatis meae minusculum... tenuitatem meam ibid. p. 508 11, 27 et 28).

³ Ср. письмо Павла в табл. III, первые и последние строки.

Но в северногалльской гипотезе меня смущает слишком и слишком многое, как внешне-палеографически, так и стилистически, затем психологически, наконец исторически.

Я ставлю задачей изучить всю совокупность письма кодекса, в трех его стихиях, несомненно принадлежащих разным рукам.

1. Строки Павла — я назову это письмо α^1 ;

2. Строки клернкула α^2 ;

3. Письмо кодекса $\alpha^3, ^4, ^5, ^6$, etc.

Я начинаю, в отношении всего этого кодекса, с того критерия, который установлен остроумцем Э. К. Ренда:¹ манера линеовать кодекс свидетельствует об относительно ранней его дате или очень отсталом скриптории.

Линеование грубо (*crude and informal*), и в нем нельзя уловить никакой определенной системы.²

Кодекс написан немногими руками. Это впечатление скудного числа писцов только подтверждает заявление вступительного письма: *utpote pauper, et cui desunt librarii*. Вступление новой руки можно предположить лишь в немногих случаях, на л. 8, строки 21—29; л. 11, стр. 4; л. 14, строки 14, 20, 27 и 33. И даже в этих случаях, кроме листа 27, мы никогда не можем утверждать с уверенностью, касается ли дело смены самого писца или вернее любого фактора письма: пера, чернил, пергамена, накопец, моторного расположения все того же писца. Только с л. 27 вступление нового писца сказывается с убедительностью в изменившейся системе сокращений.

Однако, письмо одной и той же руки отнюдь не является себе тождественным. Каприз, произвол, колебания и пестрота алфавитных форм имеют всюду место, — столь характерные для ранней эпохи кодекса или (еще раз) для отсталой мастерской в развитии прекарولينгского минускула. Уже это явление, казалось бы, исключает австразийскую (северногалльскую) локализацию кодекса. В конце VIII в. каролингский минускул получил в этой области очень твердые очертания. Здесь же ясно речь идет о поре переходной, об области, дальше отстоящей от сферы влияния господствовавших графических течений. Иначе говоря: это — характернейший образчик прекарولينгского минускула, а именно регуляризованного курсива, где, так сказать, подземные курсивные ключи, то там, то сям поднимаются на поверхность, становятся простым и подлинным курсивом всюду, где писец,

¹ См. цитир. его работу «A Survey», стр. 11 сл., а также статью в *Palae. Lat. V.*

² Это отсутствие системы, и то при характеристике скриптория как отсталого, ведет, самое позднее, к концу VIII века.

вынужденный спешить или стесненный местом, меньше следит за своей работой, где он как бы распускается. По выражению Ловс, примененному им по иному поводу, письмо является здесь неопределенным: *the script is in a state of indecision and flux* (Beneventan script, 123).

Любопытно, что обычно скриптор не бросает минускульного дукта резко и разом. Переход совершается понемногу. Сперва курсивные формы начинают попадаться рядом с минускульными. Затем первые начинают преобладать, торжествуют, окончательно заполняя все поле строк на некоторое время, и затем начинают уступать и вновь исчезают. Так на листе 35-м (табл. IV).

И там, где оно окрашено курсивным оттенком, это письмо всякий раз очень близко к письму Павла, которое мы обозначили α^1 .

Рассмотрим его алфавит.

Письмо α^3 , α^4 , α^5 , т. е. кодекса в его курсивных склонениях, а также α^2 , т. е. клирикалу, в основном имеют ту же азбуку и те же особенно характерные уклоны: все они легко чередуют унциальное α с α в виде ss ; в буквах b , d , h , i все они имеют ровные оси, с грациозными закруглениями и небольшими «кнутами» (whip) наверху: все знают любопытную лигатуру двойного c (oc) в виде лежащей восьмерки $\propto$; для всех характерно очень правильное употребление *I-longa* перед n и перед гласными — характернейшая итальянская черта, притом не только в начале, но и в середине слова: *snjus*, *major*. После же r оно систематически скашивается справа налево. Плечо r продолжается часто далеко вправо и переламывается перед гласными. Очень живописная форма z завершает эту азбуку, где целый ряд элементов характерен только для Италии.

Я здесь не буду много говорить и о списке сокращений. В нем нет ничего особенно характерного. Можно сказать во всяком случае, что ни одного из тех выразительных сокращений, которые в конце века сопровождают образующийся северный каролингский минускул, мы здесь не находим. Полный список был составлен автором настоящего очерка и опубликован в № XXIX MSF. Но я должна остановиться на системе знаков препинания. Она кажется мне очень выразительной, и на этот раз (не часто бывает такая удача) основная система знаков препинания с бледными своими чернилами хорошо видна сквозь более новую, каролингскую эмендацию. В ней, в этой каролингской системе, слоем более желтых или рыжеватых чернил, налегшим на рукопись уже, очевидно, в Корби, я думаю, под рукою окончательного справщика Адаларда, по кодексу проходят знаки (1) в значении двоеточия, (;) и (1), в значении запятой и (e) в роли вопроси-

тельного знака. Однако, основная система — иная. В ней точкой служит знак (·;·) в первых листах кодекса; но далее той же цели служит (;), отделяя от предшествующего предложение самостоятельное, связанное с ним разве такими словами, как *autem*, *igitur*, *propterea*, *quoque*, *rursus*, *tamen*, *vero*, *videlicet*, etc. и подобно нашей точке, это (;) сопровождается большой буквой. Она же возглавляет предложения, начинающиеся с *qui*, *quae*, *quod*, *quando*, *quia* в значении самостоятельном, равносильном словам: он, она, оно, тогда, так как. Немало, однако, случаев, когда (;) — и это в особенности в первых листах, где роль точки взял на себя (·;·) — указанный знак играет роль скорее (;), (:·) и (“), употребляясь после слова *dicit*, *ait*, и т. п.

Роль и значение (·) и (·) очень подвижны и изменчивы. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что ставивший их в разных случаях писец был лицом довольно мало интеллигентным, которое само не вдумывалось до конца в систему и выдерживать ее отнюдь не могло. Этот писец нередко ставит один из этих знаков (между коими следует поставить семасиологический знак равенства, и которые и графически не слишком-то различаются) в тех самых случаях, где в иных он должен бы поставить (;) или (·;·), т. е. равносильно нашей (·). Чаще всего, однако, знаки эти выражают у него то, что обозначали римские грамматиканы как *distinctio media*, или, еще чаще, — *subdistinctio*, т. е. нашу (·). Чаще всего встречается этот знак (см. MSF p. 62, примеч.) при перечислении, например, при *aut*, *aut*; *non*, *non* и т. п. Зато (такова, мы знаем, французская система) настоящие придаточные предложения, внутренне тесно привязанные к главному, в нашем кодексе никаким знаком не отделяются.

В общем можно сказать: более сложные отношения между предложениями и их частями: предложения придаточные и, особенно, вводные не ощущаются первым писцом, и здесь знаки появляются в самом прихотливом порядке. Но вне нам привычной логики и грамматики мы постоянно ощущаем здесь действие какого-то иного закона, который я имела случай назвать «психо-физиологическим или музыкальным»: писец ставит знак там, где он переводит дыхание, где делает паузу, меняет тон голоса, иногда только собираясь подчеркнуть последующее слово. Это заставляет его ставить знак перед *et* и *atque*, даже в тех случаях, когда они связывают отдельные слова, а не целые предложения, ставить их между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением и т. п. Так, например,

f. 39: *non corrigit sed magis . alius alia perpetrare crimina uideantur*

f. 18: *oportebit contra omnes hostes insidias . quisque debeat esse sollicitus.*

f. 5': se asseruit ad nos epistolas . accepisse

f. 25': ancilla hominis . per diuinitatem

f. 26': memoratus paschasius. et nicedominum sibi ostendit

f. 5': memoratus frater et coepiscopus meus . solus conatur appellari episcopus.

Представляется очень характерным в нашем кодексе разделение слов, периодов и частей.

Законом курсива является разделение слов. Но, подобно большинству курсивных кодексов, и наш проводит этот закон весьма приблизительно. Соседние слова не только примыкают друг к другу: их начальные и конечные буквы вступают в трудно разрешимые лигатуры и, сцепляя их соответственно в привычные комбинации (каковы *ec, ef, ei, em, en, es, et*), писцы получают тяжеловесные *quaeiterum* III 1, *essecognouit*, f. 19 *extru-eintantum*, f. 11 и т. д. Зато большинство наших писцов, в особенности тот, кто писал листы 1—27, обладают верным чутьем слогов и разделяют их между разными строками совершенно правильно. Красные строки появляются только с началом каждого нового послания, и стремление заключить его оглавление в одну строку вызывает самые прихотливые аббревиатуры. На полях, римскими цифрами, обозначен номер письма. Элементы убора скудны и крайне экономны. Все здесь иллюстрирует основную жалобу редактора: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Что вытекает из этого детального анализа?

Изучение алфавита и дукта позволяет заключить к основной аналогии разнообразных писем $a^3, ^4, ^5$ с письмом a^2 , а также a^1 , иначе говоря, с письмом Павла. Письмо же Павла, уроженца Фриуля, следует определять, как несомненный фриульский минускул.

Характернейшие отдельные буквы (*a, b, c, d, h, r, s, t, x*) и манера их выводить — тождественны в этих трех группах писем.

Их особенно интересные комбинации: *ra, re, rt, st* и особенно *li* и *ri* являют то же основное совпадение.

Лигатура *se* в своеобразной своей форме, свойственной a^1 , упорно живуча в a^2 и $a^3, ^4, ^5$.

Этим группам писем общ закон *I-longa*. Этот же закон не является ли (см. заключения Лове)¹ свойственным северной Италии более, чем какой бы то ни было другой области?

¹ *Studia Palaeographica*, типир. нами на стр. 112, прим. 5, и *The Beneventan Script*.

И хотя Лове констатирует присутствие этой формы и в некоторых мастерских Франции, применявших регуляризованный курсив, но этими мастерскими оно в пей и ограничивается. В них самих *I-longa* не является систематическим и отстывает, как только проникло в них влияние каролингского минускула.

Совсем иначе обстоит дело с итальянскими центрами, более длительно оставшимися верными *graciarolinae*.

Та переходная эпоха, которая для большинства франкских очагов была уже пережитым этапом в 787 г., в северной Италии является в полном расцвете.

И именно в нашем кодексе эта переходная эпоха проявляется, наряду со всевозможными алфавитными колебаниями и исканиями, в капризной и несовершенной системе аббревиации.

Эту переходную эпоху отразила также пунктуация кодекса «в состоянии нерешительности и расплывчатости» «*indecision and flux*». Какое множество каролингских знаков (;) (Ϟ) еще отсутствуют в первоначальной рукописи, внесенные только позже, рукой Адаларда! Как часто, с другой стороны, «музыкальное чувство» преобладает в пунктуации над логикой и грамматикой!

Эти архаизмы, эти отставания — в 787 г. (в 787 г.!) обличают некий запоздалый очаг, стоящий скорее в стороне от больших потоков каролингского возрождения, — очаг, плывущий в потемках, пробивающий ощупью свою дорогу.

Приемлема ли, в самом деле, на этом фоне «мецкая», австрийская гипотеза Бетмана и Вайца? В знаменитой обители св. Арнульфа, патрона каролингской династии, могли ли, в самом деле, практиковать этот небрежный полукурсив, письмо, вопреки его громадному интересу для палеографа, конечно, второразрядное. Можно ли думать, чтобы в этом довольно «неустроенном» письме стали бы в столь блестящем очаге копировать послания папы Григория Великого для двоюродного брата короля?

По другому поводу Штейнакер¹ замечает метко: «В какой области впервые несомненно осуществлены были попытки регуляризации курсива в каллиграфический книжный минускул? Не в Италии, где в VIII в. написано так много рукописей в полукурсиве, где еще в IX в. мы находим немало кодексов, в которых переход к минускулу еще не осуществился до конца».

¹ См. H. Steinacker, Zum Liber Diurnus und zur Frage der Ursprung der Frühminuskel. *Miscellanea Fr. Ehrle*, 1924, S. 158.

Но из «итальянских гипотез» мы, — в такой же мере, как северно-галльскую, — отводим монтекассинскую, исторически, казалось бы, наиболее приемлемую.

Мы отводим ее, во-первых, по тем же основаниям, что и мецскую: в могучей обители Монте Кассино, где гостил не один член каролингской семьи, неужели смиренный монах был бы вынужден оплачивать из своего кармана работу писцов (да еще с трудом находя их) во исполнение заказа королевского кузена?

Но кодекс F v I 7 и в ином смысле противится монтекассинской атрибуции.

Автором Beneventan Script установлен был в 1913 г. на очень широком основании критерий беневентской орфографии. Всё в нашем кодексе расходится с этой системой. Ни (.), ни (.), характерные для beneventana конца VIII в., в роли *distinctio finalis*, нашему кодексу в этой роли вовсе не знакомы. В южную Италию гораздо позднее попадает та система, которая описана нами выше (стр. 122) и которая характерна для нашего кодекса. С другой стороны, те контракции *gla* и *gra*,¹ которые, по замечанию Липдсе, «с самого начала являются постоянным обычаем беневентского письма», нашему кодексу чужды: слова *gloria* и *gratia* всегда пишутся в нем полностью.

Да и весь беневентский дукт, хотя в конце VIII в. он был далек от того каллиграфического своеобразия, которое с концом IX в. стало его характеристикой, тем не менее дает вовсе не то впечатление, какое производит письмо нашего кодекса. Это ясно с первого взгляда для всякого, кто сравнит с нашим кодексом хотя бы табл. 49 альбома Стеффенса.

Фриуль, который имел в конце VIII века страдал от длинного ряда всевозможных катастроф в связи с роковым для него восстанием местной его аристократии в 776 г., переживая еще, конечно, в 787 г. пору депрессии, угнетения, культурного оскудения, конечно, мог с полным правом заявить формулу, которая так жалобно прозвучала в письме его великого гражданина: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Письмо, применявшееся в этом очаге, могло и должно было уступать в изяществе не только *carolinae*, но и иным разновидностям *praecarolinae*, распространенным в итальянских очагах,² а также свойственным многим

¹ Согласно принятой системе (см. стр. 118, прим. 4), мы не воспроизводим горизонтальной черты над сокращенными словами, хотя в рукописи она имеется.

² По этому поводу вспоминаются нам глубокое замечание Лове, который, нащупывая тенденцию «создания минускула из курсива» всюду, где особенно интенсивной была деятельность книжного списания, с особенным интересом следит за этим процессом в Италии.

очагам Швейцарии, каковы Хур, Сен-Галлен,¹ входившим все в большую семью «регуляризованных курсивов», предшественников в этих областях каролингского минускула.

Не следует забывать об отмеченном выше (стр. 110) положении Фриуля: он находился на окраине северной Италии, в качестве аванпоста в направлении Востока, — лангобардского, аварского, аламманского, баварского, славянского, восточнофранкского, наконец; он ощутил и отразил в движении бурной своей истории, когда приходилось ему их вынести, многочисленные воздействия, а также нажимы: владычества, соседства, сношений, то дружеских, то вражеских. Этих восточных «впечатлений», восточных переживаний полна «История» Павла.² Глубоко неправильно было бы отождествлять минускул кодекса, написанного под его руководством в 787 г. — в такой же мере, как и его собственное письмо — с прекарингским Франкским минускулом.³

Я не считаю возможным объяснить «ансамбль» изучаемого кодекса, с его письмами многообразными, но объединенными какою-то, не всегда уловимой, общностью италийской основы, иначе как Фриульской его колыбелью, тем более что эту колыбель делают более чем правдоподобной соображения общего исторического порядка.

II. ЗАГАДОЧНЫЙ ЭТАП В ИТИНЕРАРИИ ПАВЛА

Несколько лет тому назад, говоря о нашем кодексе, В. М. Липидсе приписывал его, — не аргументируя, впрочем, ближе эту гипотезу, — северной Италии. «Sent by Paulus Diaconus in North Italy to Adalard» (Palae. lat. II 51). Палеографические соображения, мы видели это выше, оправдывают для нас эту гипотезу. Но она имеет за себя также серьезные внутренние исторические основания.

В самом деле, какая область наиболее естественно могла бы быть колыбелью нашего кодекса?

Правдоподобно ли, чтобы Адалард заказывал Павлу копию с писем римского папы в иных условиях, как на пути его в Италию?

¹ Cp. Steinacker, o. c.

² MG. in-Q. Scriptores rerum langobardicarum ss. VII—IX, 1878. Pauli Diaconi, Historia langobardorum. См. все места, отмеченные в индексе Holder-Egger'a к этому тому под словами: alamanii, avaras, baiuarii, hunni, langobardi, frugii, selavi, aenevi.

³ Вспомни суггестивные страницы Штейнackера, назв. соч. и в особенности тp. 151—158.

Не звучит ли в устах Павла фраза *quando illis in partibus fui*¹ уже далеким воспоминанием о поре, когда Павел и Адалард встречались в обителях и северных виллах Карла, не гармонирует ли она с временем, когда Павел уже покинул галльский север?

С другой стороны, казалось бы, только разлука навсегда делает понятным даваемое Павлом Адаларду обещание «не забывать» его, хранить любовь к нему, «доколе Рейн и Мозелла не обратили вспять свое течение».²

Мы знаем из признаний Павла, что среди подчеркнутого радушия каролингского двора Павел томился и тосковал: *haereo, stupeo, langueo*, ощущая ее тюрьмою и грустью по любимой кинонии: *ad comparationem vestri coenobii mihi palatium carcer est*. В письмах к аббату своему, Теодомеру, Павел выражает твердое намерение вернуться в тишину Монте-кассинского «рая» (*ad instar paradisi*), едва только сможет покинуть Карлов двор: *quam primum valuero, ... mox ad vestra consortia, nulla alia vita comite detentus occasione, repedabo*.³

Было ли, однако, возвращение Павла, отпущенного Карлом в 787 г., прямым, непосредственно направленным в Монте-Кассино, как он то обещает своему аббату?

Палеографические основания, как указано выше, противятся отнесению нашего кодекса, в одинаковой мере, как к северногалльскому, так и к беневентскому скрипторию.

Но обе эти атрибуции устраниаются и тем признанием, какое Павел сделал в вводном своем письме: *utpote pauper, et cum desunt librarii* — я беден и мне не хватает писцов (письмо к Адаларду, строка 7).

Еще раз: можно ли совместить эту жалобу с гипотезой, что списывание происходило в богатом Мецском монастыре? Неужели в обители св. Арнульфа, предка и патрона каролингов, не нашлось бы писцов, чтобы исполнить желание двоюродного брата короля, и «бедность» монтекассинского гостя могла бы в этом случае сыграть роль помехи? То же соображение всецело относится к Монте-Кассино. Жалоба представляется уместной в какой-то совсем иной обстановке, где Павел, исполняя свое обещание, очутился независимым и одиноким, где работал он с немногими секретарями, которых оплачивал из своего кошелька.

И, в таком случае, по дороге Павла от почетного убежища в северной Галлии в могущественную обитель Беневента следует, я полагаю, искать

¹ Письмо Павла, строка 2, см. наше факсимиле.

² То же письмо, последние строки, см. табл. III.

³ *Epp. Carol. Aevi IV*, 507.

станцию, к которой лучше подходило бы цитированное признание и при которой, — иначе загадочные, — палеографические феномены объяснялись бы без насилия.

Биографы Павла, как из ученых прежнего поколения в Monumenta Germaniae, так и пышющие исследователи, занявшиеся вновь и вновь его жизнью и личностью по поводу недавно исполнившегося 1200-летнего юбилея его рождения, собрали большой материал, иллюстрирующий довольно редкий в каролингском церковном писателе и характерный для Павла «патриотизм»: гордые воспоминания о славных подвигах и мифологических сказаниях племени, страстный интерес к истории и преданиям родного города.

Вывдвинутый далеко на северо-восток, в качестве форпоста Италии, город этот одним из первых принял и освоил лангобардское нашествие и лангобардское племя. Отмечают и более пытливые симпатии к преданиям местных фриульских родов, *farage*, *prosaridae* и, в частности, его собственной семьи.

И, конечно, фашистская оркестровка нынешнего писательства, научного, как и иного, придает соответствующий аккомпанимент этим высказываниям. Иначе звучит их музыка для нас, что, полагаю, будет ясно из дальнейшего.

Здесь не имеется в виду повторить выразительные страницы Бетмана, Дана и, из новых, Монтеверде, характеризовавшие эти стороны личности Павла и, в последних работах, уже получающих вышеописанное освещение. Поднимаясь выше этого освещения, мы можем сказать одно. В безликой толпе каролингских апологистов, с их мертвящим официальным «универсализмом» и — с известного момента — обязательным имперским идеализмом, Павел, сын Варнефрида, историк побежденного и дважды раздавленного племени, представляется исключением, полным яркой жизни, с его горячими привязанностями семейными и глубоким любовным чувством родной земли.

Уже старые историки XVIII в. открыли истинную причину его путешествия в Галлию в 782 г., его долгой задержки в «темнице» карлова двора, его литературных любезностей в отношении патрона: посланий, акростихов, эпитафий на могилы королей и королевен каролингской семьи. Об этой причине, как видно далее, сам он говорил неоднократно. Его корреспондент, Петр Пизанский,¹ намекает на нее в своих стихах. Этой причи-

¹ Ср. *Lumine purpureo* PAC I 52.

Сб. леном. дисс.

ной было неуспокаивающееся желание добиться освобождения брата, который, будучи замешан во Фриульском восстании (776 г.) против каролингского владычества, вместе с другими представителями фриульской знати, уведен был пленником в Галлию.

«Как только я смогу, — пишет Павел Монтекассинскому аббату, Теодемеру, — я как только господь снимет с меня ночь печали, а с моих пленных иго несчастья и унижения, я тотчас вернусь». .¹

Но проходит шесть лет (очевидно, дело идет о 782—783 гг.), а король остается непреклонным. Павел пишет ему:

*Sum miser, ut mereor, quantum vix ullus in orbe est,
Semper inest luctus tristis et hora mihi.
Septimus annus adest, ex quo nova causa dolores
Multiplices generat et mea corda quatit.
Captivus vestris ex tunc germanus in oris
Est meus, afflicto pectore, nudus, egens. .²*

Во всяком случае, где бы в этот момент он ни находился, Павел знает все о злключениях своей невестки, которая, будучи изгнана из дому, вымалывает кусок хлеба на площадях, «не имея чем одеть четверых детей», о печали сестры, «ослепшей от слез», о потере движимости (*supellex*), принадлежавшей семье, о рассеянии фриульских родов (там же). Жалоба кончается мольбой:

*Sed miserere, potens rector, miserere, precamur!
Et tandem finem his, pie, pone malis:
Captivum patriae redde et civilibus arvis
Cum modicis rebus culmina redde simul.*

Просьба была, наконец, услышана. Пленники вернулись на родину.³ Но по желанию короля сам поэт еще остается на время у его двора. Он вернется только в 787 г., причем Гетман фиксирует срок его возвращения «ранее 25 августа»: день смерти герцога беневентского Арихиса, чью гробницу Павел украсил поэтической эпитафией. Заметим в скобках, что факт эпитафии навряд ли является доказательством личного присутствия Павла в Беневенте в этот момент.

Очень сдержанный в отношении событий собственной жизни, Павел нигде не сообщает, увиделся ли он вновь со своим братом, который получил

¹ *Ерр. Car. Aevi IV* 507.

² Извлеченное из старого издания Leboeu'fa, послание это помещено Waitz'ом и Bethmann'ом в изд. *Hist. lang.*, p. 15.

³ Ср. замечания Петра Пизанского: *fortia qui dudum potuisti solvere vincla. PAC I* 52.

свободу, благодаря его заступничеству, увидел ли он еще раз сестру, невестку, племянников и племянных своих земляков, его усилиями возвращенных *civilibus arvis*.

Он ни разу не обмолвился сообщением об этом. Но на вопрос можно ответить вопросом: неужели, вернувшись в Италию, он отказал себе в радости видеть любимые места и предметы, как и дорогих людей?

Думается, что обратное предположение гораздо более совместимо со всем тем, что нам известно о привязчивой и нежной природе Павла. Гипотеза, что на пути в Монте-Кассино он остановился во Фриуле, кажется нам более чем правдоподобной. Тем более, что в этих, и только в этих условиях кажется нам совершенно естественным написание, в его типичном, северо-восточно-италийском минускуле, притом «отсталого» типа — кодекса писем Григория, как и совершенно естественным признание: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Эта гипотеза, скажу прямо, превратилась для меня в уверенность, когда еще раз я перечитала внимательно магистральный текст Павла.

Его состав, расположение, тон изучались в научной литературе самым внимательным образом. Обратное было бы удивительно. Мы имеем в нем дело с памятником, в своем роде единственным не только потому, что, как замечено выше, в нем, в темные века, историю со сдены сходявшего племени спасла лишь счастливая случайность редкой для своего времени любви, «гимн побежденному краснопобедный», но и потому, что написана она была так, как не писалась ни одна история в эпоху, когда жил Павел. Надо взойти очень высоко, к Григорию Турскому, или спуститься далеко вниз к Адемару Шабанскому или Адаму Бременскому, чтобы найти произведение равной силы и свежести. И только один, на северных островах, только один Беда откликается с равной силой звучания.

Совершенно свободный от обязательного вступления «всемирной хроники», вовсе не претендуя подражать официальному образцу «Анналов», Павел пишет свою «Историю» с прихотливой свободой и свободной живописностью.

Народная сага, песня, народный анекдот проходят через все произведение, во второй половине сливаясь с мемуарами города и семьи самого Павла от *abavis* и *proavis*. В мемуарной части привлекло мое внимание одно место. В главе 13 книги II, рассказывая о Фортунате (довольно, в общем, короткая справка), Павел со ссылкой на *Carmina* поэта, нашел нужным восстановить путь, каким последний двигался из Равенны на север, к гробнице св. Мартина Турского: *In suis ipse carminibus refert*

illuc properandi per fluenta Tiliamenti et Reunam, perque Osupum et Alpem Juliam, perque Aguntum castrum,¹ Dravumque et Byrrum fluvios, ac Briones et Augustam civitatem quam Virido et Lecha fluentant... Географическая любознательность, редкая и примечательная в этот век. Почему в короткой справке дан этот путь?

Путь для большинства италийцев не совсем заурядный. Они обычно двигались по Кассиевой дороге, проходили через Большой или Малый Сан-Бернар или, наконец, по самому берегу Средиземного моря. Сам Павел, когда ехал с Карлом из Рима в 782 г., несомненно направлялся одним из этих маршрутов.

Иною была дорога на север из Равенны. Но ведь ту же дорогу приходилось проделывать, если ехать из Фриуля, или обратно: на Фриуль, конечно, только в ином порядке станций. Фортунат в *De vita S. Martini* (См. АА IV, р. 636 sqq.) дает именно путь не из Равенны, но в Равенну, причем не упоминает уже этой последней.

Павел, с свободой комбинации, характерной для того, кто сам проделывал этот путь, переворачивает его в противоположном направлении, выбрасывая из него некоторые, очевидно, не интересовавшие его этапы: заезд по пути в Париж, посещение гробницы св. Медарда. И как Фортунат умалчал о самой цели своего пути, Равенне, Павел умалчивает об отмыченной Фортунатом станции Фриуля, для Павла бывшей целью его обратной дороги... В остальном, в главных пунктах он ее знает хорошо, потому что она заинтересовала его в какой-то момент его странствия.

И если Павел уехал из Италии (из Рима) по одному из северных продолжений Кассиевой дороги, то вернулся он в нее — таков напрашивающийся вывод — с востока, направляясь на Фриуль. Иначе, почему в огромном материале Фортунатовых *carmina* (о котором он дает справку, вернувшись в Италию и работая в Монте-Кассино над историей лангобардов), его притянул бы этот пункт?

Но, заехав во Фриуль, он, вероятно, там и остановился, особенно если эта остановка совпала с его нездоровьем, на которое он жалуется в письме к Адаларду.

Я иду дальше.

Давно оценена — в качестве единственного для этих отношений источника — точность и детальность, с какой Павел, опираясь на исчезнувшие

¹ Это станция на пути из Равенны находится перед самым *Forum Julii*.

записи епископа Тридентского Секунда (до 612 г.),¹ восстановил сложную историю лангобардских державцев в Италии, со множеством имен, сменявшихся, в разных герцогствах, их представителей. Но ведь после Секунда уже не было для Павла источников,² из которых для Италии³ он мог бы исходить, кроме писем папы Григория. Он, конечно, пользовался мемуарами, может быть, письменными, но еще более устными, которые помогли заполнить загадочные 132 года до смерти Лнутиранда: на нем он копчает повесть. Совершенно понятно и неоднократно отмечено, что особенно ярко и полно разворачивается в истории Павла мемуарная повесть Фриули.

Достаточно напомнить, полные живых деталей и драматических диалогов, главы о герцоге Пемоне и его нежной верности к некрасивой (*facie rusticana*) жене, родившей ему «трех богатырей» (книга VI, § 26), о герцоге Фердольфе и выходе его со славянами, в тщеславных целях разграничив им на погибель родному городу (книга VI, § 24), рассказ о громадных «бизонах» (зубрах), обитающих на Монте-Регно, «о которых рассказал мне, замечает Павел (книга II, § 8) один правдивейший старик» (*veracissimus senex*).

Все эти яркие и детальные впечатления и переживания, дышащие автопсией, — где и в какой момент Павел освежил и записал их?

Правдоподобно ли думать, что записав их когда-то раньше (?),⁴ он возил их с собою в своих странствиях по Галлии пять или шесть лет, чтобы (если предположить, что он прямо проехал в Монте-Кассино, как то обещал своему аббату) довести их до конечного своего убежища и места написания «Истории лангобардов»?

Тот же вопрос, и в еще более заостренной форме, вызывается знаменитым, звучащим, как эхо личных переживаний, фрагментом мемуаров о собственной *faça*: о прапрапрадеде Леупихисе, прапрадеде Лопихисе, деде Арихисе, отце Варнефриде. С особым волнением читал автор настоящей статьи воспоминание о возвращении Арихиса из аварского плена в разоренный аvarами Фриуль. Много приключений перенес этот прадед, пятый из уведенных в плен сыновей Лопихиса, пока

¹ Cp. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Bd. I, Theil I, § 6. — R. Jacobi, Quellen der Langobardengeschichte, S. 63—84. — У самого Павла читаем IV 40 *Defunctus est apud Tridentum Secundus, servus Christi, de quo saepe iam diximus, qui usque ad sua tempora (+ 612) succinctam de longobardorum gestis composuit historiam*. См. еще неоднократно ссылки на Секунда: III 29; IV 27.

² Иначе Павел назвал бы их, как многократно называет Секунда.

³ Для Галлии он многое знал и использовал: кроме Фортуната, еще Григория Турского.

⁴ Но ведь записать-то их он только и мог бы во Фриуле. Когда же именно?

не добрался на родину. Вступив в Италию, он подходит к дому, где родился. И был (последний) в таком запустении (*deserta*), что не только не было у него крыши, но, хуже того: он зарос терновником и ежевикой (*rubis et sentibus*). Исторгнув их, в стене нашел он огромный потухший очаг, куда положил свой колчан. Впоследствии, поддержанный дарамы кровных и друзей, он отстроил дом и взял жену, но, как бы отлученный (*exclusus*), он не мог получить ничего из имущества (*rebus*), принадлежавшего его родителю, не в состоянии ничего добиться от тех, кто завладел этим имуществом в долгом и многолетнем пользовании (*invaserunt longa et diuturna possessione*; естественно: «бесхозное» имущество растаскали соседи). Сообщив эти детали, Павел кончает: «Он, как я сказал, был моим прадедом. Он родил деда моего, Арихиса, Арихис — отца моего, Варнефрида, Варнефрид же от супруги Теоделинды, — меня, Павла, и брата моего, Арихиса, посящего имя по деду»...

«Изложив это немного из последования моей собственной генеалогии, я вернулся к пути (*tramitem*) общей истории».¹

Вероятно ли предположить, чтобы изумительные строки (с которыми перекликаются байроновские: «Стал пуст и заброшен печальный мой дом. Огонь разведенный зачах. И стены травой зарастают кругом») были написаны не под самым живым впечатлением всего того, что Павел видел во Фриуле, в жилище брата, — вплоть, вероятно, до терновника и ежевики в углах запустевшего дома, вплоть до растасканной соседями мебели (*supellex*), о которой плакалась его невестка?

Итак, еще раз:

На обратном пути в Италию Павел, повторяя итнерарий Фортуната, остановился во Фриуле, где виделся с братом, с помощью кровных и друзей восстановивших свой дом, как некогда их прадед.

Здесь Павел вновь оживил и собрал скорбно-торжественные воспоминания прошлого.

Я думаю и больше: именно здесь, на развалинах этого прошлого, уже пороставших «тернием и ежевикой», впервые зародилась и самая мысль его восстановить, записать историю погибшей державы. Иными словами, план и очертания *Historiae langobardorum* намечались во время последнего пребывания автора во Фриуле, связанного вместе с тем с любовными воспоминаниями о покинутом на севере друге, «память о котором не выйдет из сердца, пока не потекут вспять волны Рейна и Мозеллы»...

¹ *Historia langobardorum* IV 37.

Здесь, в частности, выполнил он данное этому другу обещание в отношении копии писем Григория Великого и создал кодекс, который является самым ранним образцом фриульского минускула, потому что фриульский кодекс «Истории лангобардов» — несомненный список с монтекассинского кодекса — был уже более поздним, хотя и обличавшим, в ее дальнейшем развитии, ту же школу.

Находясь в большей гармонии с любящей и нежной природой Павла, фриульский эпизод гораздо естественнее, чем ранее намечавшиеся итнерарии Павла, объясняют темные пункты в истории нашего кодекса *α*.

А также в истории последних лет самого Павла и зарождении его знаменитого произведения.

Этот эпизод освещает последними отблесками реальной жизни и личной привязанности окончательный «затвор» Павла в тишине — *silentium* — Монте-Кассино, наполненной для него видениями прошлого.

Ища ответа на вопрос, где и почему Павел задумал и начал свою историю, мы хотели бы ответить на другой: почему закончил он ее на том месте, на котором она кончается? И «кончается» ли она вообще?

Ваттенбах, например¹ (да и не он один), утверждает, что она осталась незавершенной, «*leider unvollendet*», потому, очевидно, что последнее лангобардское царствование, которое в ней рассказано, это — царствование Лиутипранда, тогда как за ним еще были правления Ратхиса, Анстольфа и Дезидерия, при котором пала лангобардская власть, и государем Италии стал Карл Великий.

Следует ли думать, что случайность, положим, смерть Павла, остановила его на указанном (Лиутипранд) месте *Historiae langobardorum*?

Мы утверждаем, что на нем Павел намеренно и сознательно поставил точку, потому что сам не хотел пойти дальше. И завершение это было понятно и естественно.

Литературно оно, во всяком случае, было заключительной главой и, в качестве таковой, оно было построено, ни в каком отношении не «оборванно». В противоположность царствованиям его предшественников, начинающимся и кончающимся *ex abrupto*, в это последнее, им рассказанное, царствование вложена вся заботливая стройность литературного канона.

Заметно подготавливая к «завершению», автор дает обобщающую характеристику, перечисляет основанные Лиутипрандом церкви и монастыри, подводит

¹ См. Wattenbach, о. с. I, II, § 6.

итог годам и месяцам его правления и, рассказав подробно о погребении, заканчивает похвалой:

Fuit autem vir multae sapientiae, consillio sagax, pius admodum et pacis amator, belli praepotens, delinquentibus clemens, castus, pudicus, orator pervigil, elemosynis largus, litterarum quidem ignarus, sed philosophis adequandus, nutritor gentis, legum augmentator. Hic initio regni sui Baioariorum plurima castra cepit, plus semper orationibus quam armis fidens, maxima semper cura francorum avarumque pacem custodiens (соблюдая с величайшей заботой мир с франками и аварами).

Относительно этого — последнего в его повествовании — лангобардского короля (пусть неграмотного *litterarum quidem ignatus*, но «достойного быть приравненным к философам», повествовании, отчасти, вероятно, рассчитанном на чтение другим королем,¹ который тоже претендовал на равенство философам, но делал все, чтобы стать грамотным) — относительно этого лангобардского короля Павел считал особенно важным отметить — и этим закончить свое повествование, — что Лютпранд всячески стремился сохранять мир с франками.

Апстульф же и Дезидерий с ними воевали! Не ясно ли, что тактичнее было о них умолчать?

Будь Павел человеком бессердечным и отчасти бессовестным, «Иваном, не помнящим родства», вроде большинства своих предшественников в западной историографии, он, конечно, в тоне торжества рассказал бы, как раздавлено было лангобардское государство, и воспел бы хвалу победителю, отнюдь не склонному проявлять терпимость к «нацмену». Но он любил свой народ, болел его скорбью, и за невозможностью кончить, как ему хотелось, спустил занавес до заключительной его драмы. Он поставил точку на последнем лангобардском короле, не принужденно хранившем мир с франками.

Охват повествования Павла — около двух веков: то, что — до трагического нарастания конфликта — уложилось в памяти племени, рано исчезнувшего с лица земли. Взяв его 'от момента передвижения в Италию, Павел воздержался говорить о его «конце». Это было невозможно и опасно. Впновники его гибели жили и царствовали. Главный из них близился к императорской короне Запада. А, может быть, он ее уже и получил? Потому что мы не знаем ни того, когда положил перо сын Варнефрида, ни того, когда именно он умер.

¹ Быть может уже императором?

Но смиренный монах, писавший достаточно на виду для зорких глаз завоевателей в обители, много посещаемой и благодетельствуемой государями из дома Каролингов, мог ли решиться на большее — пересказывать, например, схватки Аистульфа с Пипином или рассказывать о судьбе Дезидерия, увезенного в почетный плен Корби?... .

Он только и мог кончить на Луттиранде и на добром согласии с державой победительницей.

«История лангобардов» была написана Павлом, сыном Варнефрида, в тишине Монте Кассино. Но, очевидно, очень немного времени спустя, — и тому доказательство ранний, относительно, чивдальский (фриульский) кодекс, обозначенный нами как кодекс β , — нашелся в Фриуле клирик, — и здесь свидетельство нового расцвета Фриуля — который проник в Монте Кассино, чтобы списать произведение Павла и положить его во Фриуле, вероятно в той самой церкви, где в 1851 г. нашел его Бетман.

O. DOBIAS-ROZDESTVENSKAIA. LA MINUSCULE DE FRIOUL ET UN PROBLÈME CONCERNANT LA VIE ET LA CRÉATION D'UN HISTORIEN DU VIIIe SIÈCLE

RÉSUMÉ

1. Les paléographes modernes sont généralement d'accord pour accepter l'hypothèse poligénétique des origines de la minuscule, dite caroline.

2. A ce point de vue, l'Italie du Nord présente un spectacle des plus suggestifs.

3. L'intérêt du problème de la minuscule de Frioul, dans notre investigation, tient aux faits de triple nature:

1° La situation de Frioul, bastion extrême de l'Italie, dans la direction du Nord et de l'Orient: longobard, bavarois, allemand, franc, slave, avare.

2° Les liens dont cette minuscule se trouve rattachée aux destinées d'un historien, le plus remarquable, peut être, parmi les écrivains du VIIIe siècle:

C'est que, sur cet écrivain, ainsi que sur un fil unique, se trouve suspendue, pour ainsi dire, l'histoire entière de son peuple. Tracée par sa plume, durant le dernier acte de la drame nationale, personne désormais, n'en serait intéressé et le rideau baissé, elle n'aurait trouvé personne pour en graver l'empreinte.

3° Pour nous cet intérêt tient encore à ce qu'une lumière singulière est jetée sur l'un et l'autre par un Manuscrit latin, en dépôt dans la Bibliothèque de Leningrad: le lat. F v 1 7.

4. Deux manuscrits connus jusqu'ici comme des représentants les plus vénérables de la minuscule de Frioul (le Ms. du Musée de Cividale et le Vat. Reg. N 1472) présentent des traits de l'écriture italienne du Nord très prononcés. Leur date, que l'on attribue au milieu du IX-e siècle, saurait être rehaussée sensiblement. Tout de même ce n'est point là que l'on doit chercher des échantillons les plus anciens de la minuscule de Frioul.

5. C'est le manuscrit latin F v I 7 de Leningrad qui ouvre les perspectives plus profondes sur les origines de la minuscule de Frioul.

L'examen de ce manuscrit, — nous l'avons publié dans les MSF, à propos de millénaire de Paul, fils de Warnefrid, — nous a mené à des conclusions suivantes (§§ 6—10).

6. Les 12 premières lignes de la lettre introductive présentent l'écriture autographe de Paul.

7. L'écriture du scribe (*clericulus*) qui les suit, — Paul se trouvant fatigué et malade, — et les écritures du Codex même, appartiennent à la seule et même école graphique.

8. Ces écritures ne sauraient être attribuées à la Gaule du Nord, vu les considérations paléographiques, ainsi que les considérations historiques.

9. Bien que l'Italie se présente comme leur théâtre, ce n'est pas la région de Bénévent (Mont Cassin), l'écriture, comme ponctuation se trouvant rebelles à cette attribution.

10. Il n'y a que l'hypothèse forojulienne qui se trouve tout indiquée. Opportune au point de vue paléographique, elle résout, d'une façon satisfaisante, nombre d'énigmes et se trouve confirmée par nombre de considérations, savoir:

12. Notons l'intérêt — tout particulier, que Paul, dans son «Histoire des Longobards», Livre II, chap. 13, témoigne à l'itinéraire, peu ordinaire de Venance Fortunat. Cet itinéraire menant de Gaule à Ravenne se trouve identique pour celui qui, en partant de Gaule, se rend pour Frioul. On échappe difficilement à la pensée, que cette route, Paul l'a faite lui même pour se rendre non directement au Mont Cassin, mais pour s'arrêter, encore une fois, à Frioul, sa maladie l'y ayant retenu pour longtemps.

13. La richesse et la fraîcheur des souvenirs concernant Frioul, dans son «Histoire des Longobards», nous laissent la conviction que, sans traîner longuement ces souvenirs à travers la Gaule, Paul devait les recueillir et les noter peu avant sa clôture définitive au Mont Cassin, pour les y exposer.

14. Le spectacle du chap. 37, livre IV de la rentrée de son arrière-grand père dans la maison déserte, privée de meubles (volés), au foyer où les ronces et les mûres sauvages poussent, fait penser à la rentrée du frère de Paul après la captivité franque, et à la revue de deux frères, dans la maison paternelle.

15. En résumé: c'est sans doute pendant son séjour dans la ville natale, sur le tombeau des libertés nationales, que Paul conçoit et prépare l'«Histoire des Longobards», pour la réaliser dans le silence du Mont Cassin.

16. En dépit de Wattenbach et d'autres érudits, L'«Histoire des Longobards» ne peut guère être qualifiée d'«inachevée». L'auteur principal de la ruine du royaume longobard vivant et couronné, peut être, de la couronne impériale (on ignore la date de la mort de Paul), il lui fut impossible, moine humble qu'il était, de raconter, sous les yeux mêmes du prince omnipotent les règnes des rois longobards, en lutte avec les Francs. Il termine son récit, et ceci d'une façon, au point de vue littéraire, irréprochable et tout arrondie, par le règne du dernier roi (Luitprand), qui «plus semper orationibus quam armis fidens, maxima semper cura francorum avarumque pacem custodiens»...

16. Âme plus froide, sincérité moins entière et conscience plus louche, Paul se serait associé au chœur solennel, saluant le vainqueur de son peuple. Il préfère de faire reposer sa plume, homme droit et patriote ardent, qu'il était.

17. *Historia Longobardorum* est écrite par lui au Mont Cassin. Mais peu de temps après — la date du Codex de Cividale en est garant, — quelqu'un se trouve des clercs de Frioul (un fait qui atteste la floraison nouvelle et rapide de cette ville), qui pénètre au Mont Cassin pour copier l'oeuvre de Paul et la déposer dans la cathédrale de Frioul.
